

К ВОПРОСУ О ПРОДАЖЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИМУЩЕСТВ

(накануне 9 термидора)

Французский ежегодник. 1974. М.: Наука. 1976. С.189-204.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 9 термидора ССХVII года (27 июля 2010). Дополнительные ссылки даны после статьи.

Тематические подборки текстов о термидорском перевороте

<http://diary.ru/~vive-liberta/p118774208.htm>

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm

<http://diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

<http://diary.ru/~vive-liberta/p45934255.htm>

<http://diary.ru/~vive-liberta/?tag=381455>

При изучении истории Великой французской революции конца XVIII в. невозможно обойти вопрос о перераспределении национальной собственности, т.е. тех земель и материальных ценностей, которые вследствие революционных событий сосредоточились в руках государства. На данный факт обратил внимание еще И.В.Луцицкий, отметивший первостепенную важность распродажи национальных имуществ, этой, по его словам, «революционной меры», для экономической и социальной жизни Франции конца XVIII в. и всего XIX в.¹ Земельный фонд, которым распорядилось теперь государство, мог быть использован для подъема малоземельного и безземельного крестьянства, которое, как известно, ко времени революции пребывало в крайне бедственном состоянии. Вместе с тем и буржуазия, захватившая ключевые позиции в стране, взявшая в свои руки политическое и экономическое руководство государством, сбросившим с себя феодальные путы, постаралась использовать национальную собственность к своей выгоде.

По вопросу распределения национальных имуществ в период революции существует обширная литература². Начало серьезному изучению этой проблемы положил М.Марион своим трудом «Продажа национальных имуществ в революцию»³. Уделяя основное внимание финансовой стороне мероприятия, имевшего своей целью позволить Учредительному собранию уплатить государственный долг, Марион отметил и социальное значение продажи, проследив количество покупок, совершенных буржуазией и крестьянством в департаментах Жиронда и Шер. Большая роль в исследовании судеб национальной собственности принадлежит И.В.Луцицкому⁴. Русский историк одним из первых показал исключительную социальную важность этой меры, благодаря которой в революцию возросло крестьянское землевладение. Ценнейшим вкладом в

разработку этого вопроса были труды Ж.Лефевра. Он наметил дальнейшие пути исследования проблемы, призывая историков не только описывать процесс продажи, но и подсчитывать приобретения земли различными социальными слоями, устанавливая изменения в размерах землевладения каждой категории собственников с 1789 г. В этом отношении единственной в своем роде по полноте данных можно считать его работу «Крестьяне департамента Нор во время Французской революции», где дается кропотливый анализ происшедших в революцию перемен во владении собственностью отдельных слоев населения по сравнению с 1789 г.

Результаты проведенных исследований позволяют в настоящее время сосредоточить внимание на той стороне вопроса, которая более выпукло характеризует степень обогащения буржуазии вследствие приобретения ею национальных имуществ. Мы постараемся в данной статье подробнее остановиться на тех моментах этого мероприятия, которые помогли французской буржуазии укрепить позиции своего, ставшего господствующим класса. Нам важно выделить огромную роль этой меры в усилении того класса, в чьих интересах был совершен контрреволюционный переворот 9 термидора, свергнувший власть робеспьеристов и расчистивший путь для торжества республики нотаблей.

Секвестр и конфискация земель духовенства и эмигрантов образовали огромный фонд национальных имуществ, продажа которых государством начала производиться с 1790 г. Ж.Сайту, исследовавший влияние революции на изменение состояния и положения различных социальных слоев Тулузы, показал, какую решающую роль сыграла покупка национальных имуществ в увеличении размеров собственности определенных слоев тулузского населения. Национальные владения составили 76,62% всех богатств, приобретенных в это время населением Тулузы, причем на долю буржуазии приходилось 93,70% всех раскупленных национальных имуществ⁵.

Революционные события умножили для буржуазии возможность присвоения земель бывших привилегированных сословий. Никогда еще с момента выхода буржуазии на историческую сцену не велись так широко операции по продаже и купле земель. В самых различных уголках страны объявлялось о продаже огромных церковных и монастырских угодий и позднее поместий дворян-контрреволюционеров. К моменту конфискации земли духовенства составляли в среднем 10% всех угодий⁶. Правда, они распределялись по отдельным департаментам, дистриктам, коммунам очень неравномерно. Так, в департаменте Нор они доходили до 20% всей земельной площади департамента⁷, в департаменте Сарта — до 10,47⁸, в дистрикте Бар-ле-Дюк (департамент Мёз) — до 16, а в дистрикте Вир (департамент Кальвадос) оставляли всего 1,7%⁹.

Что касается земель дворянства, то они составляли около 20% всей территории страны¹⁰. Если правительство подвергло конфискации все церковные земли, то дворянская собственность отчуждалась только у эмигрантов. Но в эмиграции оказалась верхушка первого сословия,

включая сановников короля, которая владела до революции наиболее крупными дворянскими поместьями. Следовательно, пополнение фонда национальных имуществ за счет земель дворян также было довольно существенным. Больше всего потеряло земельной собственности дворянство департамента Нор. 10% его владений перешли к новым собственникам¹¹. Но даже в тех департаментах, где революция не привела к такому большому отчуждению собственности знати, в рамках отдельных дистриктов в ходе революции происходило все же заметное перераспределение земель бывшего первого сословия. В окрестностях Монтобана, например, дворянство в основном удержало свои владения, но такие крупные поместья, как Бержере в Негрепелисе и Ларивьера в Лафрансезе, исчезли навсегда¹².

Конечно, в глазах третьего сословия эта конфискованная собственность была весьма «лакомым кусочком», сулящим такое умножение богатства, которое позволило бы в дальнейшем его новым обладателям влиять на те или иные действия государственной власти.

Вопрос о распределении национальных имуществ в эпоху революции находил различное толкование в трудах историков уже давно. Блестящий стилист Ж.Мишле в своей знаменитой «Истории Французской революции» с редкой и привлекающей афористичностью бросил по этому поводу фразу: «Только якобинцы приобретали национальные имущества, и приобретатели национальных имуществ становились якобинцами»¹³ (курсив наш. — Е.К.). Понятно, что Ж.Мишле не вкладывал в эту фразу ничего оскорбительного для монтаньяров. Он был далек от того, чтобы считать их своекорыстными стяжателями. Покупка национальной собственности велась во имя революции, это был акт, ударяющий по контрреволюционерам — дворянам и священнослужителям, сокрушающий их могущество, — вот что стремился в первую очередь выразить замечательный историк прошлого столетия. Но уже М.Марион в исследовании о продаже национальных имуществ в департаментах Жиронда и Шер отметил неточность этого категорического заключения¹⁴. Распродажа национальных имуществ заинтересовала все слои общества, имеющие возможность участвовать в торгах. И, конечно, у многих интерес к этой операции вызывался отнюдь не столь благородными гражданственными побуждениями. В результате среди покупателей оказались те же дворяне, а также служители культа. Недавние собственники, чье достояние было объявлено национальным имуществом, с горечью обнаруживали, что их богатства попадали в руки людей, принадлежавших к тому же классу, имеющих те же убеждения, что и они, потерпевшие крушение в годы великого переворота¹⁵. Но, естественно, что наибольшую активность в покупках проявило ставшее господствующим третье сословие. Правда, и здесь далеко не все его представители были или стали якобинцами, как это утверждал Ж.Мишле. Независимо от политических симпатий буржуазия скупала собственность, пущенную республикой в распродажу¹⁶. Так, в Монтобанае из 48 приобретателей, политическую принадлежность которых удалось

установить, 26 являлись активистами Якобинского клуба, а 22 относились к весьма умеренным группировкам¹⁷.

Наиболее важным периодом в перераспределении собственности национального фонда явились первые четыре года продажи. Покупка национальных имуществ шла столь интенсивно, что к лету 1794 г. в большинстве департаментов значительная часть их была отчуждена¹⁸. Исключение представляли департаменты, которые стали очагом гражданской войны или подверглись оккупации. В них преобладающая часть имуществ отчуждалась после 1794 г.¹⁹

Во многих местах наибольшее оживление на торгах падает на 1791 и 1792 гг., когда продавалась только собственность духовенства. В дистрикте Страсбург 1/3 земель церкви была распродана в один 1791 г.²⁰, а в дистрикте Клермон-Ферран было перераспределено за этот год больше половины (56,4%)²¹. В департаменте Жиронда активнее всего продажа имуществ духовенства проходила в 1791 г.²² В департаменте Нор в 1793 г., когда интервенты оккупировали дистрикты Авен, Камбрэ, Ле-Кенуа, Валансьенн, в руках новых владельцев оказалось 2/3 секвестрованной у церкви собственности²³. В департаменте Сарта, где торги устраивались до 1835 г., основная масса земли была распродана в 1790—1795 гг., причем в 1791 г. — больше половины (53%)²⁴.

Значительной частью распроданных в революцию национальных имуществ завладела крупная буржуазия. Правда, отмечая ведущую роль крупной буржуазии в приобретении национальной собственности, следует оговориться, что не всегда эта верхушка третьего сословия отнеслась в одинаковой степени другие группы²⁵. Наиболее благоприятные для богатых собственников условия отчуждения земель предоставлял декрет от 14—17 мая 1790 г. На основании этого декрета поместья духовенства продавались целиком. Однако чрезвычайная разбросанность и раздробленность церковного землевладения затрудняла перераспределение земель духовенства в нерасчленном состоянии и вынуждала директории дистриктов порой пускать в (продажу их по частям. В таком случае они часто попадали в руки сельского населения. И.В.Луцицкий подробно проследил, как, несмотря на декрет от 14 мая 1790 г., крестьяне приобретали земли, ранее принадлежавшие крупным монастырям и аббатствам²⁶. Кроме того, сельскому покупателю были доступны земли, секвестрованные у кюре и состоявшие обычно из небольших участков. Однако существование закона, запрещавшего дробление имений духовенства, крупная буржуазия использовала всячески. Как только создавалась возможность продать хозяйство целиком, оно в соответствии с декретом переходило в руки одного владельца. И, естественно, таким владельцем мог оказаться крупный буржуа.

После прихода к власти якобинцев Конвент вносит существенные изменения в порядок отчуждения, в соответствии с которым велась продажа имущества духовенства.

В числе первых постановлений якобинского Конвента мы находим декреты от 3—6 июня и 25 июля о продаже эмигрантских имуществ.

Якобинцы не отразили в законах о продаже собственности эмигрантов требования крестьянства о разделе национальных имуществ на небольшие участки за годовую ренту. Конечно, такое решение вопроса о национальной собственности наилучшим образом соответствовало бы пожеланиям всех земледельцев, в том числе и самых обездоленных. Тем не менее законы от 3–6 июня и 25 июля о порядке отчуждения эмигрантских владений расширяли возможности приобретения земли темп слоями деревни и города, которые оттеснялись ранее от покупок крупной буржуазией. Законы предписывали производить раздел имений, предназначенных к продаже. В декрете рекомендовалось дробить имения «на возможно большее число участков или мелких участков без ущерба для каждой фермы или имения»²⁷. Уравнительную направленность декретов подчеркивала статья о выделении из национального фонда по одному арпану земли каждому главе неимущих семей.

Именно для того, чтобы подобный раздел был возможен практически, декрет изменял способ оценки национальных имуществ в отношении собственно эмигрантских земель. Принятый способ оценки находился в тесной связи с предусматриваемым законом возможными случаями раздела²⁸.

Стоимость имений эмигрантов стала исчисляться не на основании арендного договора, как то было ранее при продаже имуществ духовенства. Она устанавливалась теперь в соответствии с ценами на землю, которые существовали в той коммуне, где находилось отчуждаемое имение. Определение стоимости отдельных участков на основании арендного договора на все хозяйство, из которого выделялись эти участки, серьезно было усложнено, а в некоторых случаях сделало бы невозможным, оценку его по частям.

Содержащаяся в законе статья о расторжении арендных договоров также отвечала стремлению законодателей облегчить продажу земли участками. Как известно, многие парцеллы, поступавшие в продажу, обрабатывались арендаторами, и это уменьшало заинтересованность покупателей в их приобретении. Наличие арендных договоров особенно могло устроить мелких землевладельцев, которые, затрачивая на покупку имевшиеся у них небольшие средства, естественно, надеялись окупить свои расходы немедленной эксплуатацией купленных участков.

В интересах малоимущих покупателей закон отменял продажу земель за наличные деньги и вводил десятилетнюю рассрочку. Первый платеж составлял лишь от 12 до 30% стоимости, остальная сумма выплачивалась в течение девяти лет равными долями с начислением 5%. Однако следует указать и на непоследовательность якобинского закона. Наряду со статьями, облегчавшими приобретение земель эмигрантов участками, закон сохранял для этого вида собственности ряд положений законодательства 14 мая 1790 г. относительно отчуждения имуществ церкви, которые не позволяли небогатым покупателям полностью использовать преимущества раздела имений дворян. Продажа по-прежнему происходила на торгах, где, как правило, побеждает богатый. Якобинцы не перенесли и места продажи из центра дистрикта в коммуну.

Торги и раздел имений велись административными властями дистрикта, относившимися, как правило, враждебно к дроблению. Закон не устанавливал размеры частей, на которые следовало дробить имения. Это предоставляло администрации свободу действий, позволяя делить имения и на маленькие и на большие участки. Само положение закона о том, что дробление не должно наносить ущерб цельности хозяйственной единицы, могло толковаться достаточно широко. Ослабляло покупательную способность небогатых сельских претендентов и сохранение в силе закона от 24 апреля 1793 г. о запрещении крестьянам объединяться в «ассоциации» в целях приобретения участков.

Таким образом, при распределении национальных имуществ якобинцы не пошли по пути радикального удовлетворения нужд крестьянства в земле. Но при всей непоследовательности монтаньярского законодательства о продаже имуществ эмигрантов нельзя не видеть в нем попытку государственного вмешательства, увеличивавшего для крестьянства возможности покупки национальной собственности.

Положительное влияние этого закона на увеличение доли крестьянства в приобретении земель из национального фонда подчеркнул Ж.Лефевр. Отмечая ограниченность законодательства якобинцев в защите интересов крестьянства, которое дало о себе знать при проведении этого закона в жизнь, Ж.Лефевр все же сделал законный вывод, что «влияние дробления имений на распределение национальных имуществ было, бесспорно, благоприятным для крестьян, и если нарекания их легко объяснимы, все же надобно остерегаться недооценивать его»²⁹.

Доля крестьян в приобретении имуществ эмигрантов по сравнению с их участием в покупках владений церкви возросла в ряде департаментов. Так, И.В.Луцицкий выявил, что земли эмигрантов в департаментах Кот-д'Ор, Верхняя Гаронна, Па-де-Кале перешли в основном к крестьянам³⁰. В дистрикте Страсбург (департамент Нижний Рейн) доля крестьян, очень незначительная в 1792 и 1793 гг.³¹, поднялась во II г. до 87%. В кантонах Вир и Понфарси (департамент Кот-дю-Нор) новый способ распродажи передал в их руки 79,7% земельной площади вместо 68,3% в предшествующий период³². В дистрикте Лодев, где дроблению подверглось большое количество отчуждаемых земель эмигрантов, крестьяне одержали верх над буржуазией в покупках в сельских местностях³³. Более благоприятное для крестьян распределение земель национального фонда после введения закона о дроблении наблюдалось в дистрикте Сен-Кале³⁴.

В целом можно утверждать, что во II г. по сравнению с результатами продажи имуществ церкви по закону от 14 мая 1790 г. буржуазия в ряде сельских местностей отступила перед натиском крестьянства. В этот период она сохраняет приоритет в основном только в покупках городских строений и земель вокруг городов.

Изменения, происходившие во II г. в распределении национальной собственности, хорошо видны на примере департамента Жиронда. Крупная бордоская буржуазия захватила в свои руки почти все имущества

церкви не только вокруг Бордо, но и устранила крестьян от приобретения земель в сельских дистриктах, таких, как Бург, Ла-Реоль, Либуэн. Во II г. в этих же дистриктах она купила отчужденной земельной собственности не намного больше, чем крестьяне. Владения эмигрантов распределились здесь приблизительно равномерно между крестьянством и буржуазией³⁵.

Приведенные примеры красноречиво подтверждают в целом демократический характер монтаньярских законов о продаже национальных имуществ. И, конечно, все те, кто с 1790 г. жадно скупал целиком огромные поместья духовенства, не могли мириться с таким способом отчуждения. Именно поэтому он вызывал, как уже отмечалось, особое противодействие со стороны администрации департаментов, где имелось много представителей крупной торгово-промышленной и чиновничьей буржуазии. В результате очень часто закон о дроблении искажался, а то и попросту не применялся. Обратимся к примерам. Администрация департамента Кот-дю-Нор в ниволе II г. в письме дистрикту Ланнион, в котором местные власти старались следовать закону о дроблении, выражала свое отрицательное отношение к разделу крупных имений, утверждая, что «любая, хотя бы и крупная, ферма, состоящая из связанных друг с другом полей, не может быть поделена без ущерба...» «Мы считаем, — указывалось далее в письме, — что вы можете и даже должны, для ускорения дела и во избежание новых расходов по экспертизе, немедленно же пустить в продажу оцененные уже фермы, относительно которых очевидно, что они не могут быть поделены»³⁶.

В дистрикте Авен прокурор-синдик настаивал с августа 1793 г. на разделе отчужденных имуществ, но дистрикт только летом 1794 г. приступил к продаже земли участками³⁷. Муниципалитет Энекур в жерминале II г. безуспешно требовал от дистрикта, чтобы эмигрантские земли продавались в соответствии с законом от 3–6 июня 1793 г.³⁸ Многие административные власти дистриктов так и не приступили к разделу имений и продавали их целиком³⁹. Даже в тех местах, где имения делили прежде, чем пускать в продажу, исполнение закона о дроблении не было последовательным. В целом ряде случаев поместья при продаже делились на те участки, которые были расположены в разных местах и сдавались в аренду. Очень редко крестьянам удавалось поделить поместье, которое эксплуатировалось как единое хозяйство. Деление производилось часто на очень неодинаковые по площади участки. Так, в дистрикте Клермон-Ферран, где дробление эмигрантских земель было значительным и в среднем продаваемые владения дворян-контрреволюционеров делились на 13–14 частей⁴⁰, из 103 покупок 4 превосходили по площади остальные 99, которые составляли ничтожные по размерам участки⁴¹.

Система продажи на торгах тоже приводила часто к тому, что владельцами большого числа участков становились опять-таки буржуа, которые располагали большими средствами, чем крестьяне.

И все же, как мы видим, преимущества крупной буржуазии не могли сдержать притока крестьян в ряды приобретателей национальных имуществ. Благодаря закону о дроблении крестьянство могло принять более активное участие в покупке национальных имуществ и все-таки что-то приобрести. В результате в некоторых местах во II г. доля крестьянского землевладения возросла. Обращает на себя внимание тот факт, что в целом по департаменту Нор во II г. крестьяне приобрели имуществ на 2 тыс. га больше буржуазии⁴².

Как же обстояло дело с покупками, сделанными сельским населением? Большую часть земли, доставшуюся крестьянству, заполучили зажиточные слои деревни. Возросло и число мелких и мельчайших крестьян-собственников⁴³. В докладах правительству в IX–XIII гг. на это явление указывали все префекты⁴⁴. В департаменте Нор число собственников увеличилось на 35%⁴⁵. Причем, как проследил Лефевр, очень сильно выросло количество владельцев участков размером от 1 до 5 га, а также стало заметно больше и совсем маленьких наделов (менее 1 га). Возросло и число средних крестьянских хозяйств размером от 5 до 10 га⁴⁶.

Говоря об укреплении крестьянских хозяйств, надо иметь в виду и расслоение внутри этого класса. Если в деревне появились крепкие экономические единицы, то наряду с этим выросшие численно в революцию мелкие крестьянские наделы часто оказывались недостаточными для ведения самостоятельного хозяйства. Следовательно, и революция не смогла уничтожить раздробленности мелкого крестьянского землевладения⁴⁷.

Несмотря на то, что мелкие собственники деревни представляли самую многочисленную группу покупателей национальных имуществ, приобретенные ими наделы были настолько малы, что по площади составляли очень небольшой процент от всей отчужденной земли. В дистрикте Клермон-Ферран число покупателей участков размером менее половины и по одному га составили больше половины всех покупателей имуществ духовенства, но они приобрели только 6% всех проданных в дистрикте земель церкви⁴⁸. Несколько больше земли досталось приобретателям участков от 1 до 5 га. К ним перешло 10,5% продаваемых земель⁴⁹. В лучшем положении оказались мелкие покупатели эмигрантских земель, и в этом, безусловно, сказалось влияние дробления, которое было значительным в этом дистрикте. К покупателям участков менее 5 га отошло 33% всех отчужденных владений эмигрантов⁵⁰.

В Руанском дистрикте администраторы-демократы широко применяли дробление. Они разделили и продали 588 участков. Однако сельская беднота и здесь не смогла полностью воспользоваться якобинскими законами о разделе имений. Поделенные участки составляли 1/3 (1016 га) от всей отчужденной земли (3800 га)⁵¹. Таким образом, большая часть находившихся в дистрикте национальных имуществ была продана целыми имениями, и, если говорить о деревенских приобретателях, то собственниками их стали состоятельные

крестьяне. Подобные результаты распределения земель между разными в экономическом отношении слоями крестьянства довольно типичны, ибо в условиях купли-продажи земельной собственности не могло быть иначе. В итоге продажа национальной собственности прежде всего усилила положение зажиточных фермеров в деревне, которые вышли из революции более окрепшими по сравнению с 1789 г.⁵² Освобожденные от десятины и сеньориального режима, избавленные от необходимости арендовать земли, благодаря новым покупкам из национального фонда, эти хозяйства превратились в крепкие фермы, а их владельцы, обогатившись к тому же в революцию на дороговизне продовольствия, стали тем слоем, который составит основу фермеров-капиталистов XIX в.

Проследив активное участие крестьян в процессе распределения национальных земель, вместе с тем необходимо констатировать, что все же во II г. земледельцы лишь потеснили городскую буржуазию, а в целом в период революции она задавала тон в овладении земельными богатствами. Ж.Лефевр в своем обобщающем этюде о результатах распродажи национальных имуществ к одним из важнейших последствий революционного времени относил расширение крупной буржуазной земельной собственности⁵³.

Крупная городская буржуазия при приобретении национальной собственности имела огромное преимущество перед сельским населением, так как обладала неизмеримо большими средствами, накопленными до революции. В департаменте Жиронда наиболее значительные покупки совершили буржуа, входившие в число самых крупных налогоплательщиков департамента при «старом порядке»⁵⁴. Преимущество крупной буржуазии в приобретении земель национального фонда становится еще более очевидным, если проследить, какие именно земли в первую очередь переходили к ней.

Различные слои буржуазии скупали земли, удобно расположенные для ведения интенсивного сельского хозяйства. Важно было иметь тесную связь с торговыми и промышленными центрами, чтобы обеспечить постоянный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. И, понятно, крупная буржуазия стремилась захватить земли вокруг крупных и мелких городов.

Финансовое могущество позволило ей этого добиться почти во всех департаментах и дистриктах⁵⁵. Так, например, на результаты продажи национальных имуществ в департаменте Жиронда решающим образом повлияла близость такого экономического центра, как Бордо⁵⁶. Этот город накануне революции был крупным морским портом Франции. По обороту торговли колониальными товарами он опередил Гавр и Марсель⁵⁷. Буржуазия Бордо захватила большую часть национальных имуществ, продававшихся в департаменте. При этом превосходство буржуазии над другими слоями городского и сельского населения особенно было заметно в дистрикте Бордо. К бордоским негодьям отошли значительные земельные владения в окрестностях города, а также недвижимая собственность в самом городе. Таким образом, перераспределение собственности в дистрикте Бордо явилось, как

справедливо отмечает М.Марион, настоящей революцией. Дельцы Нурлабад, Лувьер, Лагардер, Марейяк скупали вблизи Бордо земли бывших монашеских орденов – фейянов, бенедиктинцев, кармелитов и др.⁵⁸

Помимо этого у духовенства были отняты дома в черте города. Это весьма существенный факт, если учесть, что большинство домов в Бордо принадлежало духовенству⁵⁹. Особое значение для департамента имела распродажа имущества эмигрантов. На его долю приходилось 2/3 всех имуществ эмигрантов, пущенных в продажу во Франции⁶⁰. В дистрикте Бордо из 812 случаев распродажи имуществ эмигрантов 596 раз торг заканчивался в пользу буржуазии и только 216 раз владельцами конфискованного имущества оказались представители сельского населения. В округе города почти все владения эмигрантов достались бордоской буржуазии.

В департаменте Нор буржуазия приобрела земель вокруг городов в 2–3 раза больше, чем крестьянство. В дистрикте Берг 304 местных буржуа стали обладателями более 4 тыс. га, в то время как 517 крестьян приобрели только 1305 га⁶². В дистрикте Лилля было отчуждено 4876 га в пользу 534 буржуа и 2416 га в пользу 1167 крестьян. Самым крупным приобретателем в этом дистрикте был торговец солью из Лилля Юрбен Доминик Вирно. Он скупил в первые годы революции 405 га. Во всех коммунах вокруг Дуэ преимущество буржуазии перед другими покупателями национальной собственности также сказалось очень сильно. Вблизи Дюнкерка почти все приобретатели оказались крупными судовладельцами и негодьями⁶³. В окрестностях Лиона буржуазия одерживала верх на торгах⁶⁴. Подобным же образом происходила распродажа в департаментах Сарта, Кот-д'Ор, Верхняя Гаронна.

Рассматривая процесс распродажи национальных имуществ, надо особо подчеркнуть, что государство было крайне заинтересовано в скорейшем проведении этой меры, так как надеялось при помощи ее пополнить казну. Это касается как жирондистского, так и якобинского правительств, которые полагали, что государство получит за конфискованную собственность значительную сумму.

В своем министерском отчете о внутреннем положении в стране Ролан 9 января 1793 г., на основании сообщений 346 дистриктов из опрошенных 544 дистриктов, назвал примерную стоимость только одних имуществ эмигрантов в 2760500 тыс. ливров. Месяц спустя, 1 февраля 1793 г., Камбон, выступая в Конвенте, определил общую стоимость национальной собственности, конфискованной у знати, более чем в 3 млрд. ливров, учитывая приблизительно и имущества в тех дистриктах, которые еще не произвели оценки городских строений и земельных угодий, подлежащих там отчуждению. Ежемесячно в Конвенте объявляли о колоссальных суммах, по которым на торгах продавались конфискованные земли⁶⁵. Эти сообщения с энтузиазмом встречались депутатами, усматривавшими в успехе распродажи национальных имуществ прочное обеспечение ассигната.

Однако надежда руководителей революции улучшить состояние казны за счет продажи национальных имуществ не оправдалась. В действительности государство получило с новых собственников ничтожно мало, всего 1/10 часть предполагаемого дохода. 9/10 причитающихся государству средств никогда не было уплачено владельцами национальной собственности⁶⁶.

Эти потери государство несло вследствие обесценения ассигната и, хотя истинная ценность имуществ не становилась меньшей, их приобретатели старались использовать неустойчивость денежного курса, чтобы подешевле купить национальные имущества. Правда, инфляция ассигната вздувала продажные цены. Но они только на первый взгляд казались огромными. На самом деле поместья и городские постройки обходились буржуазии сравнительно дешево. Так негодичант из Манса (департамент Сарта) в апреле 1793 г. приобрел аббатство Вольё, оцененное в 30500 ливров⁶⁷. Во время торгов цена поднялась до 32100 ливров. Но эту сумму он уплатил обесцененными ассигнатами. В действительности он купил поместье в 2 раза дешевле, поскольку 32100 ливров ассигнатами по курсу звонкой монеты соответствовали всего 15584 ливрам. По сути дела обесценение ассигнатов маскировало низкие цены на землю в период революции. Правда, торги во многих случаях в несколько раз превышали первоначальную цену. В Конвент поступали сведения о бешеных ценах, по которым продавались национальные имущества на аукционах. «Трудно вообразить, — сообщал дистрикт Берг, — по какой цене продают в наших местах национальные имущества»⁶⁸. Комиссар по продаже конфискованной собственности доносил из Гренобля, что имущество стоимостью в 300 ливров отчуждено за 4475 ливров⁶⁹. В момент значительного падения курса ассигната, как, например, в августе 1793 г., цены на торгах часто в 10 раз превосходили первоначальную оценочную стоимость⁷⁰. Поэтому в какой-то степени торги компенсировали обесценение ассигната. Но владельцы национальных имуществ, даже приобретая его по безумно высоким ценам, оказывались все же в большой выгоде. Во-первых, они производили платеж не всей суммы сразу, а лишь от 12 до 30%, во-вторых, им разрешалось по закону оплачивать оставшуюся часть равными долями в течение еще 9 лет. Такая длительная рассрочка давала возможность покупателям использовать падение курса ассигната, так как ежегодные взносы делались все более теряющими ценность бумажными деньгами. Новые собственники специально использовали периоды сильного понижения курса ассигната для внесения наибольшего платежа. Наиболее выгодным периодом в этом смысле был период, последовавший за переворотом 9 термидора, когда обесценение ассигната приняло катастрофический характер. Во время якобинской диктатуры национальные имущества покупались все же дороже, так как Революционное правительство в какой-то мере удерживало инфляцию в определенных пределах⁷¹.

Собственникам, совершившим покупки в 1790 г. и обязанным производить оплату начиная с 1791 г., земля обошлась дороже, чем тем

из них, которые приобрели национальные имущества летом II г. и расплачивались за них в термидорианский период⁷². Поэтому многие, купившие национальные имущества, использовали низкий курс ассигната в III и IV гг. для досрочной уплаты⁷³.

Таким образом, длительная рассрочка в уплате за имущества национального фонда оборачивалась из-за инфляции на пользу тем, кто стремился занять место прежних духовных и светских сеньоров. За обесцененные ассигнаты они получали не относительную, а абсолютную ценность — земли со всем движимым и недвижимым имуществом. От рассрочки выигрывала прежде всего крупная буржуазия, хотя эта мера была введена Революционным правительством прежде всего в интересах малосостоятельных слоев населения. Такой исход дела был обусловлен самим буржуазным характером революции. В руках буржуазии продолжали оставаться большие средства, и в условиях инфляции ее платежеспособность, естественно, оказывалась наивысшей. Крестьяне же вообще старались по возможности быстрее стать полноправными собственниками земли, и поэтому они не воспользовались в такой степени, как буржуазия, долгосрочной рассрочкой, поскольку старались уплатить всю сумму как можно быстрее⁷⁴.

Стараясь всячески ускорить распродажу национальных имуществ, государство снижало на них цены, полагая, что доход казны останется все же довольно большим. В дистрикте Камбрэ в 1791 г. 1 га земли стоил 577 ливров, а в 1792 г. цена его снизилась до 452 ливров⁷⁵. В среднем в департаменте Нор с 1791 по 1793 г. (до вторжения австрийцев) продавали 1 га по цене 541 ливр, что составляло всего 1/4 часть от обычной цены на землю в этих местах⁷⁶. Марион отмечал низкие цены повсеместно в департаменте Жиронда⁷⁷.

Выгоды покупателей национальных имуществ были значительней выгод от другого рода покупок, которые велись в эпоху революции тоже достаточно интенсивно. Революция потрясла жизненный уклад огромных слоев населения. Одни слои оказались разоренными и вынуждены были продавать то, что имели ранее, другие сумели приспособиться к сложности новой экономической обстановки. Ж.Санту по сохранившимся актам продажи подсчитал, что покупки частных имуществ, сделанные жителями Тулузы, были по стоимости в несколько раз выше, чем стоимость имущества национального фонда, которая составила только 26,48% от общей⁷⁸ стоимости всех купленных имуществ. Однако именно благодаря приобретению национальных имуществ происходило стремительное обогащение новых владельцев. В Тулузе национальные имущества составили 76% от всех богатств, сосредоточившихся у населения в результате покупок, совершенных в революцию⁷⁹. Они в 4 раза увеличили доход населения.

Причины этого очевидны. Мы уже говорили, что государство занижало реальную стоимость того, что продавалось. Кстати говоря, это было продиктовано и политическими соображениями, ибо быстрой и дешевой распродажей национальных имуществ революционные власти стремились завоевать себе в лице многочисленных покупателей

надежных сторонников. (В данном контексте нам важно именно это намерение, а не то, как все получилось на деле.) И, наконец, помимо первоначальной низкой цены, реальная цена, как было прослежено, падала из-за введенной в условиях непрекращающейся инфляции рассрочки. В результате у государства можно было приобрести имущества значительно дешевле, чем у частного лица, которое, конечно, всячески старалось соблюсти свои интересы и требовало от покупателя суммы, более эквивалентной стоимости того, что оно вынуждено было продавать. И, безусловно, разница между реальной ценностью частного и национального владения была намного меньше, чем разница в их оценке.

Выгодное приобретение национальной собственности в беспокойное время стремительных перемен и разрушительных волнений было верным средством для буржуазии придать прочность своему экономическому положению. Пошедшее на пользу собственникам крушение «старого порядка» как мощный орудийный удар, который своей волной часто рушит то, что отстоит далеко от его цели, на первых порах не могло не задеть и благосостояния того класса, который в результате стал господствующим. В частности, пострадали негоцианты и промышленники, связанные с отраслями экономики монархической Франции, развитие которых оказалось ненужным или невозможным для революционного государства. И вот тут вложение капитала в национальную собственность давало им возможность выйти из экономических затруднений революционного периода.

Ярким примером того, как приобретение национальных имуществ спасало от банкротства буржуазию, может послужить судьба семьи Камбонов, из которой вышел и знаменитый финансист эпохи революции Жозеф Камбон. Старший Камбон в 1766 г. имел ткацкую мануфактуру в Монпелье, а затем в 1785 г. Камбоны открыли еще одну мануфактуру, в Шоле⁸⁰. Вскоре они входят на паях во владение торговым домом в Бордо и начинают активно участвовать в колониальной торговле, вывозя за море продукцию своих предприятий. Революция на островах лишает Камбонов капитала в 800 тыс. фр., вложенных в дела, которые велись в этих колониях. К тому же замедляется и производство на мануфактурах в Монпелье и Шоле. В 1793 г. мануфактура в Шоле вообще была разорена вандейцами. Окончательный удар состоянию семьи нанесло введение в декабре 1793 г. всеобщего максимума, понизившего вдвое стоимость товаров, находившихся на складах в Бордо. Казалось, полное разорение неминуемо. И, чтобы избавиться от него, Камбоны стремятся использовать максимальные выгоды от поместья Терраль (в окрестностях Монпелье), которое как национальное имущество было приобретено ими еще в 1791 г. Средства, вырученные от сдачи этого поместья в аренду, позволили Камбонам ликвидировать дело в Бордо и избежать банкротства. Кроме того, имение оказалось очень выгодным и по другой причине. Камбоны полностью воспользовались рассрочкой, сделав последний взнос только в 1812 г.⁸¹ В итоге поместье обошлось им в 3,5 раза дешевле его первоначальной стоимости. Все хозяйство Терраль оценивалось Камбонами в 240 тыс. ливров, а они едва уплатили за него

обесцененными ассигнатами 70 тыс. ливров⁸². Доход от поместья поступал все время, намного превышая те затраты, которые пошли на приобретение земли. Именно благодаря эксплуатации этого поместья дела семьи настолько поправились, что после революции Камбоны надеялись полностью восстановить свое прежнее состояние. Тогда же старший Камбон вместе с тремя торговцами занялся скупкой и перепродажей национальных имуществ⁸³.

Говоря о положении крупной буржуазии в эпоху Великой французской революции, нужно иметь в виду и постоянное обновление ее состава. Слой крупной буржуазии пополнялся за счет обогащавшегося в результате приобретения национальных имуществ зажиточного крестьянства, о чем уже шла речь. Но особенно ощутимым был приток в ряды влиятельных собственников выходцев из мелкой и средней провинциальной буржуазии.

Революция, сломав сословные препоны, дала возможность развернуться в полную меру их инициативе. Более того, якобинский период был важным этапом в укреплении этих слоев третьего сословия. Упрочив свое материальное положение, они не замедлили воспользоваться средствами к обогащению. В результате, например в Тулузе, обогатилось 29,33% мелкой буржуазии и 29,17% средней⁸⁴. При этом поражает динамичность обогащения мелкой буржуазии. Она — впереди крупной и средней (65,44%), в то время как динамичность крупной — 60,37%, а средней буржуазии — 56,85%⁸⁵. Санту указал, что в таком быстром обогащении буржуазии основную роль сыграла инфляция⁸⁶.

Выше мы видели, как она способствовала приобретению буржуазией национальной собственности. Для нас важно подчеркнуть, что в результате обогащения различных групп буржуазии многие прежние мелкие и средние собственники превращались в крупных.

Рассмотрим вопрос о том, что стали представлять собой те покупатели, в руках которых скапливались значительные доли национальных имуществ.

Социальный состав крупных налогоплательщиков департамента Сена и Уаза в XII г. отражает появление в годы революции новых нотаблей. Представители буржуазии «старого порядка» уступили место новым богачам, которые вошли в состав 600 крупных земельных собственников департамента Сена и Уаза⁸⁷. Эти богачи были выходцами из среды провинциальной буржуазии и большей частью создали свои огромные состояния покупкой в годы революции национальных имуществ. Многие из них обосновались в Париже и управляли экономической жизнью страны. Для этой новой буржуазии характерно быстрое восхождение по социальной лестнице. Так, один мелкий торговец вином стал приобретать национальные имущества с начала их отчуждения. В 1790 г. он купил в департаменте Луара дом, в котором открыл винный погребок. С этого времени он приобретал земельные участки и городские постройки ежегодно. Всего с 1790 по 1812 г. он сделал 14 покупок в департаментах Луара и Алье на сумму 140 тыс. ливров. Национальные

имущества составили половину его недвижимого богатства. Вскоре этот торговец настолько преуспел, что по богатству не уступал старой знати. В XII г. новый нотабль вошел в число 600 крупных налогоплательщиков департамента Сена и Уаза. Среди парижских дельцов он приобрел большой вес и был избран вместе с самыми крупными из них в Генеральный совет торговли⁸⁸.

Появление новых нотаблей из числа покупателей национальных имуществ происходило по всей стране. Ж.Авенель, убежденный республиканец, выступивший против тенденциозного освещения Великой французской революции, писал по этому поводу, что огромным материальным фактом эпохи, заключающим в себе всю суть событий, «явились лихорадочные, бешеные революционные продажи (или точнее кражи в миллиард), которые представляли не что иное, как земельную оргию, куда были вовлечены все капиталисты, и, хотя спекулятивная игра главенствовала над всем другим в этом неистовстве, право захвата утвердилось откровенно, грубо, как на войне»⁸⁹. Удивительная проницательность французского историка привлекла к его работам внимание К.Маркса. Он конспектирует труд Ж.Авенеля «Революционные понедельники» и особенно выделяет вопрос о судьбе национальных имуществ в революцию. Полностью соглашаясь с Авенелем, Маркс отмечает те неограниченные возможности обогащения, которые открылись для буржуазии в ходе ее спекулятивных действий по приобретению и использованию в своих интересах имуществ, секвестрованных у бывших привилегированных сословий⁹⁰. А вот конкретные факты, говорящие о положении новых земельных собственников. По данным переписи крупных налогоплательщиков Франции, проводившейся в период Консульства в XI г., в 34 департаментах количественно преобладают те из буржуа, кто стал владельцем национальных имуществ⁹¹. Правда, в эту анкету попала и часть промышленной и торговой буржуазии, скупавшая национальную собственность уже после революции. Но в период Консульства крупнейшими обладателями национальных имуществ оставались и предприниматели, участвовавшие в приобретении национальной собственности с первых лет революции. В эпоху Консульства сохранила большую часть своих приобретений угледобывающая компания Анзен в департаменте Нор. Члены компании скупали землю, чтобы расширить дело. В пользу компании было отчуждено 1000 га. Она осталась в числе крупнейших собственников национальных имуществ, несмотря на продажу части владений, правда, с сохранением за собой права эксплуатации недр⁹².

Многочисленность и сила нотаблей, выросших в результате приобретения национальных имуществ, позволили им оказывать существенное влияние на дела государства, тем более что многие из новых «патрициев» входили в состав государственного аппарата. Уже упоминавшийся нами Ж.Авенель утверждал, что фундамент, на котором выросло благосостояние французской буржуазии XIX в., был заложен именно самым ходом распродажи национальной собственности, право на

владение которой стало для новых приобретателей неотчуждаемым. Справедливость этого заключения опять-таки отметил К.Маркс, изложив в своем конспекте эти мысли автора. Незыблемость положения буржуа – владельца национальной собственности торжественно подтверждает конституция III г. в статье 374: «Французская нация гарантирует обществу, что после произведенного законного отчуждения национальных имуществ, каково бы ни было их происхождение, законный приобретатель не может быть лишен владения ими»⁹³.

Для уяснения того, во что превратились эти собственники, какую роль стали играть они в жизни страны, интересно указать на такой факт. Менялись формы правления, режимы: Директория, Консульство, Империя, снова Бурбоны, и каждое правительство спешило заявить о своем стремлении гарантировать права тех, кто в годы, последовавшие за крушением феодализма, скупал богатства, конфискованные революционной властью у «бывшего цвета» французской нации. Красноречиво в этой связи звучит заявление Бурбонов в статье 9 королевской Хартии 1814 г.: «Любая собственность неприкосновенна, не исклечая и той, которая называется *национальной* (курсив наш. – Е.К.), закон не делает никакого различия между ними»⁹⁴.

Мы постарались показать, как продажа национальных имуществ послужила укреплению буржуазии, как в результате этого выросла и стала значительно могущественнее крупная буржуазия. Однако, стремясь нагреть руки па революции, пожиная плоды происходящего, этот новый патрициат в то же время отдавал себе отчет, что дальнейший ход революционных событий может положить конец хищническому приобретательству. И новые собственники, новые нотабли, новые землевладельцы, естественно, превращаются в контрреволюционную силу, которая готова заключить союз с кем угодно, с любым, кто может свалить власть Революционного правительства, конечно, при условии полного сохранения нажитого буржуазией в годы революции.

1 И.В.Лучицкий. Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в. – «Русское богатство». СПб., 1912, № 2, стр.102.

2 Новейшие исследования по этому вопросу указаны в комментариях к статье Ж.Лефевра «Продажа национальных имуществ», переизданной А.Собулем. – G.Lefebvre. Etudes sur la Revolution francaise. Paris, 1963, p.333–334.

3 M.Marion. La vente des biens nationaux pendant la Revolution. Avec etude speciale des ventes dans les departements de la Gironde et du Cher. Paris, 1908.

4 И.В.Лучицкий. Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ. – Отд. оттиск из «Университетских известий», 1896, № 3; он же. Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в. – «Русское богатство», 1912, № 2, 4; он же. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793. Киев, 1912.

5 J.Sentou. La fortune immobiliere des toulousains et la Revolution francaise. Paris, 1970, p.171.

6 A.Soboul. Precis d'histoire de la Revolution francaise. Paris, 1962, p.26–27.

7 G.Lefebvre. Etudes sur la Revolution francaise, p.298.

- 8 Ibid., p.304.
- 9 Ibid., p.299.
- 10 A.Soboul. *Precis d'histoire de la Revolution francaise*, p.20.
- 11 G.Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise*, 2-e ed. Bari, 1959, p.557.
- 12 D.Ligou. *Montauban. A la fin de l'ancien regime et aux debuts de la Revolution. 1787–1794*. Paris, 1958, p.571.
- 13 J.Michelet. *Histoire de la Revolution*. Paris, 1848, v. 3, p.220.
- 14 M.Marion. *Op.cit.*, p.67.
- 15 В департаменте Сарта 40 представителей знати участвовали в торгах в первые годы распродажи национальной собственности. 12 из них приобрели значительное количество земли, от 100 до 500 га. См. D.Deygas. *Quelques problemes sociaux dans le departement de la Sarthe a l'epoque de la Revolution francaise de 1789*. Paris, 1962, p.88.
- 16 Нужно отметить, что религиозные воззрения оказывали влияние на участие буржуазии в приобретении имущества духовенства. Протестантская буржуазия в Монтобане покупала больше, чем католическая, которая противилась переходу земель духовенства к государству. Католики совершили всего 5% покупок такого рода. См. D.Ligou. *Op.cit.*, p.394.
- 17 Ibid., p.395.
- 18 J.Sentou. *Op.cit.*, p.33.
- 19 В департаменте Нор после 1794 г. продаже подлежали 25% национальных имуществ. В некоторых местах национальные земли так и остались нераспроданными. В Иль-и-Вилен была распродана только 1/4 часть эмигрантских земель. Вернувшиеся в 1815 г. родственники эмигрантов выкупили 18 владений, подлежавших отчуждению. См. A.Chabert. *Essai sur les mouvements des revenue et de l'activite economique en France de 1798 a 1820*. Paris, 1949, notes 208, p.330.
- 20 G.Lefebvre. *Etudes sur la Revolution francaise*, p.316.
- 21 J.Petelet. *La vente des biens du clerge dans le district de Clermont-Ferrand*. — «La Revolution dans le Puy-de-Dôme». Paris, 1972, p.55.
- 22 M.Marion. *Op.cit.*, p.41.
- 23 G.Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise*, p.438.
- 24 G.Deygas. *Op.cit.*, p.78.
- 25 Ф.Саньяк. *Гражданское законодательство французской революции*. М., 1928, стр.153–155. Текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm
- 26 Подсчет продажи церковных земель по 29 дистриктам в 9 департаментах (Сарта, Буш-дю-Рон, Верхняя Гаронна, Кот-д'Ор, Алье, Орн, Па-де-Кале, Эн и Ло), произведенный И.В.Лучицким, показал, что продажа в этих дистриктах велась в основном мелкими участками. См. И.В.Лучицкий. *Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в.* — «Русское богатство», 1912, № 4, стр.73–74.
- 27 «Archives parlementaires de 1787 a 1860. Premiere serie (1787–1799)». Paris, 1862–1913, v. 66, p.10.
- 28 D.Martin. *La vente des biens des emigres dans le district de Clermont-Ferrand. 1792–1830*. — «La Revolution dans le Puy-de-Dome», p.157.
- 29 G.Lefebvre. *Questions agraires au temps de la terreur*. Paris, 1932, p.36.
- 30 И.В.Лучицкий. *Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до революции и продажа национальных имуществ*. Киев, 1894, стр.14.
- 31 G.Lejevre. *Etudes sur la Revolution francaise*, p.321.
- 32 Ibid., p.314.
- 33 Ibid., p.335.
- 34 Ibid., p.321.
- 35 M.Marion. *Op.cit.*, p.196–198.
- 36 G.Lefebvre. *Questions agraires au temps de la terreur*, p.35.
- 37 G.Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise*, p.485.
- 38 Ibid., p.484–485.
- 39 G.Lefebvre. *Questions agraires au temps de la terreur*, p.35–36.
- 40 «La Revolution dans le Puy-de-Dome», p.160.
- 41 Ibid., p.172.
- 42 12 тыс. га и 146 зданий досталось крестьянам, а 10 500 га и 1 438 зданий — буржуазии. См. G. Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise*, p.494.
- 43 Зато, как только 12 прериаля III г. правительство Директории отменяет законы о дроблении, резко снижается и участие крестьян в приобретении национальных имуществ. В том же департаменте Нор они купили теперь в 2 раза меньше, чем буржуазия. (К последней перешло 33 тыс. га и 926 зданий, а к крестьянам — 16 тыс. га и 106 зданий.) См. G.Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise*, p.509. Начиная с IV г. буржуазия повсюду по стране снова, как и до II г., находится в преимущественном положении при покупках национальной собственности по сравнению с крестьянством.
- 44 А.В.Адо. *Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века*. М., 1971, стр.399.
- 45 G.Lefebvre. *Etudes sur la Revolution francaise*, p.332.
- 46 Положение крестьян несколько улучшилось и в результате таких революционных мер, как раздел общинных земель, равное наследование. Кроме того, крестьяне воспользовались падением цен на землю в годы революции и прикупили земли у частных лиц.
- 47 Общие результаты продажи национальных имуществ в департаменте Нор показывают, что в среднем на одного крестьянина приходилось в 4 раза меньше, чем на представителя буржуазии. Число крестьян — приобретателей национального имущества в департаменте Нор достигло 17618 человек, а буржуа — 5506. Превосходит численностью буржуазию более чем в 3 раза, крестьянство купило 71409 и 375 зданий, а буржуазия — 65772 га и 3564 здания. См. G.Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise*, p. 514.
- 48 «La Revolution dans le Puy-de-Dome», p.108.
- 49 Ibid., p.162.
- 50 Ibid., p.133.
- 51 Цит. по: А.В.Адо. *Указ.соч.*, стр.367.
- 52 A.Soboul. *Paysans, sans-culottes et jacobins*. Paris, 1966, p.108.
- 53 «...Дворянство сохранило [в революцию. — Е.К.] значительную часть своих владений, и в некоторых районах его богатство намного уменьшилось не столько в результате распродажи национальных имуществ, сколько вследствие добровольного отчуждения; крупная буржуазная собственность окончательно

конституировалась, возместив с лихвой потери дворянства...» См. G.Lefebvre. Etudes sur la Revolution francaise, p.333.

54 M.Marion. Op.cit, p.200.

55 Ф.Саньяк. Ук.соч., стр.160.

56 M.Marion. Op.cit, p.51.

57 «Bordeaux au XVIII siecle». Sous la direction de P.G.Pariet. Bordeaux, 1968, p.197.

58 M.Marion. Op.cit., p.53, 54.

59 Ibid., p.55.

60 Ibid., p.218.

61 M.Marion. Op.cit., p.208.

62 G.Lefebvre. Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise, p.453.

63 Ibid., p.50.

64 И.В.Луцицкий. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793 гг., стр.149.

65 В нивозе 1794 г., например, было продано имуществ национального фонда на 34 млн. ливров, в плювиозе – на 61 млн., в вантозе – на 67 млн., в жерминале – на 72 млн., во флореале – на 98 млн. ливров. M.Marion. Histoire financiere de la France depuis 1715, v.3. Paris, 1921, p.219.

66 В дистрикте Клермон-Ферран в казначейство от продажи имуществ эмигрантов поступило только 3–10% от их реальной стоимости. См. «La Revolution dans le Puy-de-Dome», p.216.

67 G.Deygas. Op.cit., p.83.

68 M.Marion. La vente des biens nationaux pendant la Revolution, p.89.

69 Ibid., p. 218.

70 «La Revolution dans le Puy-de-Dome», p.81.

71 См. С.А.Фалькнер. Бумажные деньги Французской революции 1789–1797. М., 1919. Насколько стремительно проходило падение курса ассигната при термидорианцах, видно при сравнении уплаченных в ассигнатах сумм за имущества во II и в III гг. с их эквивалентом в звонкой монете. Приведем пример по Санскому дистрикту. Во II г. в этом дистрикте владельцы национальных имуществ внесли 1017755 ливров ассигнатами, что соответствовало 446107 ливрам в звонкой монете, а в III г. уплаченные ими 7001649 ливров ассигнатами составили в звонкой монете почти такую же сумму (447249 ливров). См. M.Marion. Histoire financiere de la France depuis 1715, p.220.

72 Например, если торговец из Клермон-Феррана, сделавший во фрюктидоре III г. последний взнос за поместье, уплатил за него в ассигнатах сумму, которая в звонкой монете равнялась 1/3 той стоимости, за которую он его приобрел в январе 1791 г., то уже те, кто скупали национальные имущества летом II г. и производили выплату после 9 термидора, уплатили до 1/7–1/8 части стоимости его в момент покупки. См. «La Revolution dans le Puy-de-Dome», p.105, 123.

73 Так, в дистрикте Клермон-Ферран из 392 новых владельцев имуществ эмигрантов, отчужденных в нивозе II г. и плювиозе III г., почти все (за исключением двух) расплатились в IV г. (Ibid., p.176).

74 G.Lefebvre. Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise, p.476.

75 Ibid., p.475.

76 Ibidem.

77 M.Marion. La vente des biens nationaux pendant la Revolution, p.209.

78 J.Sentou. Op.cit, p.171.

79 Ibidem.

80 R.Arnaud. La debacle financiere de la revolution. Cambon. 1756–1820. Paris, 1926, p.26, 29. Жозефу Камбону принадлежало в поместье Терраль 100 га.

81 Ibid., p.308.

82 Ibid., p.88.

83 Ibid., p.305, 306.

84 J.Sentou. Op.cit., p.84.

85 Ibid., p.151.

86 Ibid., p.102.

87 A.Daumard. La bourgeoisie parisienne de 1815 a 1848. Paris, 1963, p.317.

88 Ibid., p.295–300.

89 G.Avenel. Lundis revolutionnaires. 1871–1874. Paris, 1875, p.29.

90 С.З.Левиова, И.М.Синельникова. Рукописное наследство Маркса в области истории. – «Маркс-историк». М., 1968, стр.590, 591.

91 A.Chabert. Op.cit., notes 210, p.332.

92 G.Lefebvre. Les paysans du Nord pendant la Revolution franchise, p.451.

93 Цит. по: G.Avenel. Op.cit., p.27.

94 Ibidem.

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. (2-е изд.) (текст, примечания и источники, карты)

Постановления, касающиеся земельной собственности: Аграрное законодательство монтаньяров

С.Коротков. К вопросу об оценке итогов финансовой политики Конвента / В сб. Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии

С.Коротков. Буржуа-монтаньяр в революции: взгляды и деятельность Ж.Камбона; он же, О роли национальных имуществ в «рождении» новой буржуазии: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Другие работы Е.В.Киселевой: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kisel>